

Алла Аркадьевна расплатилась с таксистом, подняла воротник норковой шубы, стараясь закрыть лицо от морозного сильного ветра, который швырялся колким снегом, и поволокла дорожную сумку на третий этаж.

В подъезде снежинки на лице начали таять, смешиваясь с горячими слезами Аллы Аркадьевны, которая наконец-то дома дала им волю. Ещё бы! Из-за сложившихся погодных условий аэропорт отменил все ближайшие рейсы. И теперь Алла Аркадьевна Новый год будет праздновать не с семьёй дочери, а одна в своей квартире.

Ветер завывал, гремел железом на крыше, сыпал снегом в оконные стёкла и, казалось, гоготал над расстроенной женщиной, которая, шлёпая в домашних тапках, накрывала себе на стол скромный ужин: маслинки, бутербродики с красной икоркой, вазочку с фруктами и графинчик с коньячком «Хеннеси».

Выпив пару рюмочек и поужинав, Алла Аркадьевна по привычке наложила на лицо питательную маску с омолаживающим эффектом, накрутила бигуди, поправила тяжёлые шторы, включила торшер возле любимого кресла и продолжила читать один из дамских романов.

Комышок, подгоняемый ветром, чуть ли не бежал по заснеженным улицам. И хоть ветер ему сыпал снегом и в нос, и в глаза, и за воротник, Комышок только глубже втягивал голову в пальто и нервно хихикал. Сегодня его день! Богатенькая квартира, которую он так тщательно пас, осталась без присмотра надолго. Завистливые и трусливые соседи, если что-то и заподозрят, не станут тут же поднимать тревогу. А погода сегодня — просто сказка для домушника! Люди сидят в квартирах, зарывшись

под одеяло, и включают погромче телевизор, чтобы заглушить пронзительный вой ветра. Комышок мысленно напел: «Заметает зима, заметает всё, что было до тебя...» — и тихонько засмеялся.

Не заметив никого и ничего подозрительного возле заветного дома, Комышок поправил на плече пустую спортивную сумку, пониже на глаза натянул шапку, потёр заочеченные в перчатках руки и вошёл в подъезд.

Алла Аркадьевна читала роман поверхностно: проблемы и страдания героев-любовников не могли сравниться с душевными переживаниями самой читательницы, которая бегала глазами по строчкам душещипательной истории и в то же время думала о своём.

Вдруг Алла Аркадьевна услышала, как в замочную скважину её квартиры кто-то вставляет ключи. Страх разлился леденящим холодком по всему телу, книга выскользнула из рук, отчаянные мысли засуетились в голове и застучали в виски. Дрожащими пальцами Алла Аркадьевна выключила торшер, на цыпочках подбежала к дивану, на ощупь откинула его крышку, подвинула глубже подушки и одеяло, залезла, потянула крышку, которая больно исцарапала ей руку и ударила по приподнятой коленке.

Подобрав нужную отмычку, Комышок тихонько вошёл в квартиру и закрыл дверь. Он включил фонарик, проверил, нет ли кого, случайно, и последовал в комнату. Посветил в сервант и обрадовался беспечности хозяйки: массивные золотые украшения мирно спали в хрустальной вазочке. Довольный домовник сгрёб их рукой и засунул во внутренний карман спортивной сумки. Комышок прошёл на кухню, проверил, хорошо ли зашторено окно, поставил на кухонный стол фонарик. Графинчик с коньяком призывно заиграл цветными огоньками, и хоть это не входило в правила домовника, но промёрзший до костей Комышок решил согреться: взял в руки графинчик, запрокинул голову, открыл рот и, чтобы не оставить следы от губ, влил часть содержимого прямо из горлышка. Приятная жгучая терпкость добежала до желудка и согрела домовника изнутри. Комышок тихонько крикнул. «А, всё равно сюда никто не зайвится», — подумал он, открыл холодильник, достал бутерброд. Икра приятно лопалась на зубах и растекалась во рту необычным солёным вкусом.

Дождёвая бутерброд, Комышок доставал жестяные банки с крупами, сахаром, специями. Банка с горохом порадовала

его завернутой в пакетик тугой пачкой купюр с изображением Франклина.

Комышок вернулся в комнату и принялся за шкаф. Освобождённые от хрустящих упаковок импортные кофточки летели в спортивную сумку, их укрыл белоснежный песцовый полушубок, сложенный дрожащими руками домушника. Дорогие летние туфли удивились зимнему соседству полушубка и новых австрийских замшевых сапог в тесной сумке...

Комышок услышал шаги и разговор на лестничной клетке, машинально прижался к стене и выключил фонарик. Защёлкал замок — и домушника кинуло в жар. Нет, слава Богу, открылась дверь соседей. Комышок постоял ещё пару минут, пытаясь отдышаться: он всё ещё дрожал от нервного перевозбуждения и в то же время от радости богатой добычи (домушник уже перерыл шкаф, комод, тумбочки, осмотрел дно кресла, которое его тоже порадовало). Пока соседи разденутся, займутся обычными делами или лягут спать, надо оставаться в квартире.

Комышок трижды глубоко вдохнул и выдохнул, включил фонарик и направился крадущимися шагами к дивану. Поднял крышку и направил фонарик вниз. Последнее, что увидел, услышал и почувствовал домушник, — это дико визжащее привидение с белым лицом и тёмными впадинами вместо глаз и рта, тянущиеся к нему руки со скрюченными пальцами и резкую боль в сердце, сменившуюся пустотой и темнотой...

Старший сержант Онищенко скучал в дежурке с переменными чувствами радости и огорчения. Он радовался, что его смена выпала на тридцатое декабря, а не на Новый год, но в то же время Онищенко печалился. Ведь сейчас, вероятно, жена разливает холодец, разбирает косточки, которые он так любит погрызть ещё горяченькими. А эти хрустящие хрящики... Старший сержант невольно расплылся в улыбке и чуть не облизал пальцы.

Восторг от воображаемого холодца был прерван телефонным звонком.

— Дежурный слушает! — ответил напарник. — Спокойно, гражданочка... Вы уверены? Вор ещё в квартире вашей соседки? Назовите адрес. Сейчас выезжаем, — напарник положил трубку и обратился к Онищенко: — Собираемся, Степаныч!

Онищенко тяжело вздохнул: тёплый чесночно-мясной запах только сваренного холодца окончательно развеялся...

Дежурный наряд милиции, пыхтя, поднялся на третий этаж. Дверь квартиры была распахнута, любопытные соседи уже сбежались и с других этажей и стояли на площадке с заинтересованными выражениями лица, соседи по квартире были уже внутри. Две женщины на кухне оказывали психологическую и врачебную помощь Алле Аркадьевне, поглаживая её по спине, измеряя тонометром давление и капая корвалол в рюмку, из которой та ещё недавно пила коньяк с той же целью — успокоиться. В комнате сидели угрюмые мужчины и чья-то жена с качалкой в руке. Очевидно, все ждали, когда лежащий на полу вор решится подняться.

— Вы его что, по голове ударили? — обратился Онищенко к женщине с качалкой.

— Ещё нет, — бойко ответила та.

— Он так здесь и лежал? Вы его не трогали? — продолжал Онищенко.

— Хотели, — встрял в разговор один из соседей, — но до вашего приезда решили оставить всё как есть.

— Вы хозяйка?

— Нет, я соседка. Алла Аркадьевна! — позвала женщина с качалкой, — вас милиционер спрашивает.

В комнату под руку ввели слабую хозяйку. Онищенко оглянулся и вздрогнул, рука уже поднялась ко лбу наложить крестное знамение, но старший сержант вовремя остановился и только поправил шапку. В суматохе Алле Аркадьевне никто так и не посоветовал смыть маску и снять бигуди.

Один из милиционеров подошёл к лежащему на полу домушнику, нагнулся над ним, похлопал по щекам, приложил пальцы к шее и посмотрел на Онищенко:

— Вызывай скорую, Степаныч, для засвидетельствования...

И хоть это был простой домушник, наряд милиции снял шапки.

Когда выносили Комышка, к дому подъехало такси, из которого вышли смеющиеся молодые люди с покупками и ёлкой в руках, а из салона машины слышалась песня: «Снег кружится, летает, летает, и, позёмкою клубя, замедает зима, замедает всё, что было до тебя...»